

КОНСТАНТИН РАЙКИН:

«Я НЕ МОГУ ВИДЕТЬ И СЛЫШАТЬ В ТЕАТРЕ ПРИМЕТ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ»

Сов. Иллюстрация - Иллюстрация - 1992 - 21 марта

Его сложно спутать с кем-то другим, но... Возможно, сложился некий кино-телевизионный стереотип, возможно, слишком быстро все произошло, но я не узнал его даже на первом рае, когда он спустился в служебный вестибюль и перед мной возник человек, как мне показывало, довольно хрупкого телосложения, несколько ниже среднего роста, весь словно на шарнирах — ходячий нерв, который никак не мог устоять на месте, сосредоточиться, сообразить, есть ли у него «юбка» для интервью? Второй раз, уже спустя несколько дней после нашей беседы, в полумраке уютного театрального кафе, когда между его «здравствуй-те» и моим повисла пауза. Впрочем, снимаю трех с души — узнавать его было мудро — костюм, острый и клеветный нос — только что закончилась репетиция постановочной пьесы «Сирано де Бержерак»...

Впрочем, это только субъективные наблюдения, своеобразная прелюдия к беседе с художественным руководителем московского театра «Сатирикон», актером, режиссером Константином Аркадьевичем РАЙКИНЫМ.

«Сатирикон», основанный в 1929 году Аркадием Исааковичем Райкиным, по существу став вашим домом, где вы попопраный хозяин, причем один в нескольких местах. И все-таки, не жаль было расставаться с «Современником», театром, в чей актерской колл-

лективе вы были далеко не последним матросом? Жалко, не жалко — это так давно произошло... С облаветельской точки зрения моя карьера в «Современнике», который я любил и люблю, складывалась вполне благополучно. Как не забыть свой первый театр, куда я пришел сразу же после Шуйкинского училища, театр, где остались не только прекрасные партнеры, духовно мне близкие люди — Галица Борисовна Волчек, Нелюба Маринуя в вообще считаво великой актрисой и горжусь, что именно мне довелось привести ее в «Современник». Да, я прыгнул с благополучного корабля, но этот прыжок в открытое море — не имитационный, не истерический. Я вращался в кругу мастеров, я прошел там настоящую актерскую школу, но моя природа она требовала много поля деятельности, иной энергосистемы. Я с большим уважением отношусь к Розову, Володину, Рошнину, Ветсмаю, наконец, но, если открытвенно, я обещая, обещая бытовой отечественной драматургией, до аллегрии, до заворота. Я уже не мог, да и не могу сейчас слышать и видеть в театре примет советской власти. ЖЭК, райком, Союз писателей — все мое человеческое и актерское существо содержится от этих слов! Я не запрещаю, я — от мира сего: смотрю телевизор, с большим интересом слежу за прессой — политика, экономика, они тоже занимают мою жизнь, но кто сказал, что все это предмет искусства? В моем любимом «Современнике» постановка «Шанку» — эту сатирическую комедию Войновича и Горина. Говорят, любопытно, талантливо, но без актерских удач, но вы не заставите меня пойти смотреть этот спектакль — не могу! Лучше в Ленком на «Трубадур и его друзья» — спектакль, который мне интересно увидеть с профес-

сиональной точки зрения. Нет, если уж играть про нашу жизнь, то через Лордо, сэра, маркизов, через Настасью Филипповну и Льва Николаевича Мыхкина. В иной форме — увольте.

— Значит ли это, что «Сатирикон» — тот самый театр, куда стремились ваши актерская стимия, театр, исповедующий не только иную принципиальную политику, но и иную форму обещания? — Не стану вас уверять, что мы уже создали театр, лежащий в русле моих устремлений. Стремится к идеалу — не вредно, достичь — невозможно. Если я почитаю, что достиг, всем нам, давайте, крышка. Не могу жалеть себе и коллективу преждевременной кончины, хотя в моей биографии наступила времена, когда я уже мысленно лел себе звукокопную. Семь лет я ежегодно выходил на сцену — а это триста спектаклей в год, семь лет я не видел свой театр со стороны — играл, занимался водами, репетициями, а еще кино, телевидение и... наступил нервный срыв. Я едва не бросил все: театр, профессию. Два года назад нам удалось повернуть «реку вспять» — избавиться от актерского и административного балласта, резко поменять репертуар. Знаете, что я считаю самым значительным своим достижением? То, что в наш театр теперь ходят не на Райкина, а потому, что он стал интересен зрителю, немалому, какой спектакль мы играем, кто из актеров заиграл — у нас ежедневный ажиотаж за границей — а мы побывали во многих странах — забавная реакция на наши спектакли: никто не может определить, что у нас за труппа — драматическая ли, эстрадная, оперная, балетная? Такое недоумение — высшая похвала нашим актерам, а большинство случаев совсем молодые — если не возрастом, то душой. Хотя и возрастом тоже — я в «Сатири-

коне» почти самый молодой. Что до репертуарной политики, программы — она у нас есть, но я не люблю ее декларировать. Пусть критики препарируют наши спектакли, пишут рецензии — а они, как правило, наукообразные, сухие. Также попыток самовыразиться, да еще как можно значимее, мне читать неинтересно — независимо, поносят нас или поют панегирик. Думаю, что и зрителя мало волнуют эти трактаты, зрителя, на которого сегодня необходима огромная энергетическая атака: его надо взорвать за шкуру, да по большому счету, чтобы он несколько дней не мог опомниться. Несколькими грубо, но, на мой взгляд, именно диалог в такой форме требуется от театра, независимо, что мы играем — «Служанка», «Голого короля» или «Там же, тогда же» — эту совместную постановку с Театром Антона Чехова, но по духу очень нашу — чисто сатирико-панорамную. Если вы видели «Багдадский вор», то непременно скажете — пустое, дивертисментная безделушка — это про пьесу, но как красиво, зрелищно сделано, с каким азартом играют актеры! Почему, скажите, такой небольшой глубины произведение, как «Принцесса Турандот» имела такой умирающий Вахтангов знал, что делал — он поставил этот спектакль в голодные двадцатье, поставил исключительно затем, чтобы подарить людям праздник. Людям и себе! Зритель не волнуется, по какой системе работает актер — вопрос в энергии. Я требую от себя и от коллег вылезать на сцену, температура моего тела должна быть не менее сорока градусов — иначе ты не актер, иначе смотреть на тебя никто не станет.

— Валерий Аркадий Райкин — явление скорее единственное в своем роде, явления редкое. Но его театр представлял эпоху спектакля, названного от количества действующих лиц. Мощное райкинское «Я» подавало партнеров, слушавших ему много вступлений. Иное дело Райкин-младший. Я не знаю, чем вы полагаете свою гордость, и каким образом себя причисляете — парижанина или представителя — но потрясающее сочетание К и вас такого поколения актерского (сумму покойной симфонической эволюции «Июльская Поклонница») и, конечно, яркий инстинкт, бурбонский талантливый. «Трубадур» и «М. Бергмана, меня лично поразило — Подобные комплименты я воспринимаю как обычное.

— Отчего же? — Принцип артиста — удивлять, и в этом нет ничего сверхъестественного. Меня всегда коробит, когда не просто зритель — мой знакомый, а довольно близкий, посмотрел спектакль и

фильм, говорит: «Такого мы от тебя не ожидали!» Наверное, следовательно определенное клише — меня воспринимали как чисто развлекательного артиста, эдакого рыжего на арене цирка, я думаю, что тот же Труффальдино — явление моего творения. Иных так просто удивляет, что я, оказываясь, умеем элементарно разговаривать на сцене. Повторю, мне это обидно слышать.

Если о пьесе, то вот говорят Геннадий Хазанов продолжатель традиций Аркадия Райкина». В каком-то смысле — да. Гена — прекрасный актер — своем жанре, актер-одиночка, являя никогда не считал себя таковым. Ему всегда пытался создать антитезу, что его спектакли называли концертами, он вообще мало общался с представителями эстрады, круг его привязанностей был огромным — симфоническая музыка, балет, драматический театр. Он всегда пытался создать ансамбль, но сам того не желая, разрушая его, в этом — его противоречие, можно сказать, драма. А между тем, он был прекрасным и очень чутким партнером: сумел об этом не умозрительно — шесть лет мы проработали вместе.

— Новое время диктует новые формы — формы выносятся — всем. Театр в этом отношении не исключение. Жизнь заставляет следовать за этими образцами и искать место в новой системе — а мне в итоге начать создавать контрастные театры. «Сатирикон» довольно активно включился в этот эксперимент: позади совместные постановки с Театром Антона Чехова — «Вильгельм Шай», «Там же, тогда же», в моем творчестве — а именно в итоге начал создавать контрастные театры. «Сатирикон» довольно активно включился в этот эксперимент: позади совместные постановки с Театром Антона Чехова — «Вильгельм Шай», «Там же, тогда же», в моем творчестве — а именно в итоге начал создавать контрастные театры. «Сатирикон» довольно активно включился в этот эксперимент: позади совместные постановки с Театром Антона Чехова — «Вильгельм Шай», «Там же, тогда же», в моем творчестве — а именно в итоге начал создавать контрастные театры.

При всей любви к моему другу — художественному руководителю Театра Антона Чехова Леониду Труштинскому, который совместно с директором Евгением Роговым создал первый в столице театр антрепризы, я скептически

отношусь к такой форме — эстетически — не и принципиально — именно в нашей стране. Чем отличается капитализм от социализма? Представлением о человеке. На Западе достаточно трезво смотрят на роль бизнеса, понимают, что человек во природе своей свободный человек, эгоистичен, не совсем чистен, и строят всю систему взаимоотношений так, что человеку просто не выгодно иметь эти пороки. Образно говоря, идею общества — не знаю, как уж теперь его назвать — по отношению рассчитано на Дон-Кихота, на Западе — на Санчо Пансу. К чему такая преамбула?

Если актер на Западе заключает контракт — а это огромнейший «договор», где чужды все нюансы — то он никогда его не нарушит. В моем случае ему придется заключить такой контракт, что ему вовсе не распахнется. Там все подкреплено законом, у нас же — война анархии, а распахнуть на порядочность в нашей среде — это значит быть совершенно явным человеком. Я так говорю об этом, потому что знаю, что такое актерская семья, семья, которую и обижать, но сколько в ней предельства, необъективности, интуитивности. Актер предельно великодушен и полон сострадания к своему коллеге-неудачнику. Но вот успеха не процветает театр — это как замешивание пруда — чистой прозрачной водой — здесь видно всех и каждого насквозь, театр — это, собственно, сплех всей нашей бренной жизни, только во сто крат увеличенной...

Беседовал Николай БИЧУМОВ. Москва — Иркутск. Москва — Иркутск.

На сценках: фрагменты по трагедии Бернгарда Шоу «Там же, тогда же». Директор — Константин Райкин, Директор — Татьяна Ващенко.

Фото Татьяны КУЗЬМИНОЙ.

